

Рядом с Дабом

Мартин Грубер

Восемнадцатый верблюд

(перевод на русский язык Наталья Пчелкина, Елизавета Любимова)

Одри улыбалась мне навстречу: «Замечательно, что ты здесь!» Это было моё первое занятие в Кёльне. 1994 год. Трепет и нетерпение переполняют меня. Я захожу в неприметную подвальную комнату. И без всяких промедлений Даб разрешает мне присоединиться. У меня возникает ощущение, что мое место всегда было здесь рядом с ним и сейчас я наконец-то могу его заполнить. А вернее и не было никакого места, которое мне надо было заполнять. Вокруг была теплая и сердечная атмосфера открытости. Я был здесь и сейчас.

«Я хочу знать, раз и навсегда, как *правильно* дышать». Молодой человек задал вопрос язвительным тоном. Он хотел получить «уполномоченное», окончательно правильное решение в давнем вечном споре о дыхании: дышать животом или грудной клеткой. Все посмотрели на Даба. Даб обратился к молодому человеку, задавшему вопрос, и попросил его лечь на скамью, и позвал всех встать вокруг. Он положил свою руку на нос и рот молодого человека, зажал их и держал до тех пор, пока парень не стал задыхаться. Затем он неожиданно отвел руку. «Чем он начал дышать?» Каждый в комнате мог видеть, как все тело молодого человека расширилось и как естественно воздух наполнил каждую клетку его тела. Не сказав ни слова, Даб повернулся к Одри: «Что дальше, Одри?». Без следа удовлетворения и намека на триумф. Урок просто продолжался. Я был поражён его дерзостью. Без показухи, без лишних разговоров и не теряя времени. Строго и без лишнего догматизма. Это невероятное присутствие, установка четких внутренних линий и четких внешних линий в пространстве, способность видеть и быть в курсе всего происходящего, словно старый мастер Дзен в Додзё.

Эта «демонстрация» стала ясна мне, как пощечина. У меня сразу всплыли неприятные воспоминания о споре, который произошел у меня с одним из занимающимся сегодня утром. Спор был о другом вечном предмете: как правильно ходить. Этот студент занимается у Даба, и яростно отстаивал его мнение: Правильная походка начинается с таза и включает в себя покачивающие движения. Я же изучал у Ватанабе сенсея, моего учителя по айкидо, что правильная походка развивается от пятки, когда ты чувствуешь вытяжение ног. Это был спор и каждый из нас стоял на своём. Он продемонстрировал мне покачивание тазом: «Вот так надо ходить!» Это выглядело нелепо. «Никто так не ходит» - выпалил я в ответ, и показал как правильно наступать на пятку. «Вот!». Мы расстались в полном убеждении, что другой ничего не понимает.

- Там кто-то идет! - сказала она наконец. - Только очень медленно. И как-то странно!

(Гонец прыгал то на одной ножке, то на другой, а то извивался ужом, раскинув руки, как крылья.)

- А-а! - сказал Король. - Это Англосаксонский Гонец со своими англосаксонскими позами. Он всегда так, когда думает о чем-нибудь веселом. А зовут его За и Атс.

- "Мою любовь зовут на З", - быстро начала Алиса. - Я его люблю,

Being with Dub

by Martin Gruber

The Eighteenth Camel

"Great you are here!" Audrey smiles at me. It is 1994, and I expectantly walk into this hidden basement room for my first training session in Cologne. Dub lets me join his class without further ado. As if I had always had my place next to him and had just now arrived to fill the spot finally. No, it was more like this: There wasn't any place that I would *have had* to fill. A warm-hearted openness. Just me, here and now, and welcome.

"Now I want to know, once and for all, how you breathe *correctly*." The young man asked the question in a biting tone of voice. He wanted an "authorized," ultimate solution to the ancient controversy concerning breathing: with the stomach or the chest? Everyone looked at Dub. Dub asked the man who posed the question to lie down on a bench, and he called everyone over for a "demonstration." He put his hand over the young man's nose and mouth and squeezed them shut until the man struggled for air. Then he suddenly took his hand away. "Where did he start breathing?" Everyone in the room had seen how the young man's entire body had expanded, how every cell in his body had expanded in a natural manner as air filled his body. Without saying another word, Dub turned to Audrey and said, "What's next, Audrey?" Without a trace of satisfaction, without a trace of triumph. The lesson simply continued without further interruption. His immodesty impressed me. No showing off, no small talk, no waste of time. With an effective structure, not dogmatic, strict. This unbelievable presence, this upright presence standing in a room, setting clear inner lines and clear exterior lines in the space, this ability to see and be aware of everything going on, like an old Zen master in a dojo.

This demonstration was as clear to me as a slap in the face. I immediately had unpleasant memories of an argument I had with another student that morning on the way to training. The argument had to do with another classic subject: walking "correctly." The other student had already taken a course with Dub, and he vehemently defended his opinion that walking correctly comes from the pelvis and involves a swaying motion. I learned from Watanabe, my Aikido instructor, that the correct way to walk develops from stepping with the heels when your leg is stretched. We both didn't budge from our standpoints. He demonstrated for me the swaying pelvis action: "This is how you walk!" It looked so ridiculous. "Nobody walks like that!" I shot back, and demonstrated the correct way to step with your heels. "This is how you walk!" We parted ways, both deeply convinced the other guy didn't understand anything at all.

"I see somebody now!" Alice exclaimed at last. "But he's coming very slowly – and what curious attitudes he goes into!" (For the Messenger kept skipping up and down, and wriggling like an eel, as he came along, with his great hands spread out like fans on each side.)

"Not at all," said the King. "He's an Anglo-Saxon Messenger – and those are Anglo-Saxon attitudes. He only does them when he's happy. His name is Haigha. (...) The other Messenger's called

потому что он Задумчивый. Я его боюсь, потому что он Задира. Я его кормлю... Запеканками и Занозами. А живет он...

- Здесь, - сказал Король, и не помышляя об игре: пока Алиса искала город на 3, он в простоте душевной закончил ее фразу.

- А второго гонца зовут Болванс Чик, - прибавил Король. - У меня их два - один бежит туда, а другой - оттуда.

- Прошу вас... - начала Алиса.

- Не пропрашайничай, - сказал Король строго. - Порядочные люди этого не делают!

- Я просто хотела сказать: "Прошу вас, объясните мне это, пожалуйста".

Как это: один бежит туда, а другой оттуда? Я не понимаю...

- Но я же тебе говорю: у меня их два! - отвечал Король нетерпеливо. - Один живет, другой - хлеб жует.

(Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье. Пер. - Н.Демурова)

Теперь я вижу обоих нас стоящих передо мной, словно два глупых юных журавля, один смешнее другого. Легко использовать существующий опыт, опыт своего учителя, его открытия, к которым он пришёл сам. Мы ещё ничему не научились из своего опыта. А спорили, как дети, чей папа лучше водит машину. Теперь я знаю, что не понимал, ни один из этих методов и что между ними нет противоречий.

Если кто-то упорно карабкается по ветвям дерева и думает, что он птица - он ошибается!

Вельгельм Буш

Подобно безупречному зеркалу, Даб всегда давал мне возможность увидеть себя самого. Не было ни притворной дружелюбности, ни фальшивого уважения. Его безусловная открытость, его тонкая чистота и ясность показывали мне, что все ответы лежат внутри меня, и нигде более. Огромное количество воспоминаний, которое живет во мне – все чему я научился у Даба и все что я с ним испытал. «В чем дело?» Да, Даб. Самой важной вещью, которую ты мне дал был восемнадцатый верблюд:

Жил когда-то на востоке человек, который разводил верблюдов. Всю жизнь он работал, а когда состарился, то позвал к себе сыновей и сказал: «Дети мои! Я стал стар и скоро умру. После моей смерти разделите верблюдов так, как я вам скажу. Ты, старший сын, работавший больше всех – возьми себе половину верблюдов. Ты, средний сын возьми себе третью часть. А ты, младший, возьми девятую часть».

Попробуйте решить эту задачу. Она не решается, как не стараться.

Прошло некоторое время, и старик умер. Тогда сыновья решили разделить наследство так, как велел им отец. Они выгнали стадо на большое поле, пересчитали и оказалось, что в стаде всего 17 верблюдов. И нельзя было разделить это число ни на 2, ни на 3, ни на 9. Что было делать – никто не знал. И стали сыновья спорить, и каждый предлагал свое решение. Но 17 по-прежнему не делилось ни на 2, ни на 3, ни на 9. И они уже устали спорить, но так и не пришли к общему решению. В это время мимо ехал путник на своем верблюде. Услышав крик и спор, он спросил: «Что случилось?» И сыновья рассказали об их беде. Путник слез с верблюда, пустил его в стадо и сказал: «А теперь разделите верблюдов, как велел отец». И так как верблюдов стало 18, то старший взял себе половину, то есть 9, средний – треть, то есть 6, а младший девятую часть, то есть двух верблюдов.

Вот решение задачи. Путник мог бы продолжать свой путь

Hatta. I must have *two* you know – to come and go. One to come, and one to go."

"I beg your pardon?" said Alice. "Why one to come and one to go?"

"Don't I tell you?" the King repeated impatiently. "I must have *two* – to fetch and carry. One to fetch, and one to carry."

(Lewis Carroll)

I saw the two of us standing in front of me, two odd cranes in the street, one more laughable than the other. It was embarrassing how we both used our instructors to prove our point – we hadn't learned anything from our own experiences. We simply used the experiences of others and their realizations, which we had not worked to achieve on our own. Two adults fighting like kids about whose dad drives a better car. Now I know that I didn't understand either one of the two methods and there isn't a contradiction at all.

If someone climbs laboriously - Into the branches of a tree - And thinks himself a bird to be - Wrong is he.
(Wilhelm Busch)

Like a flawless mirror, Dub always made me see myself. There was no pretended friendliness, no fake consideration. His unconditional openness, his sharp clearness showed me that all of the answers lie within me, and nowhere else. There are so many memories that swell up inside of me – everything I learned from Dub and everything I experienced with him. "What's the point?" Yes, Dub. The most important thing you gave me was the eighteenth camel:

A father leaves his three sons seventeen camels when he passes away. The oldest is supposed to get half of the camels, the son in the middle a third of them, and the youngest a ninth. Now the sons want to divide up their inheritance among themselves.

Try to solve the problem. It doesn't work out, no matter how you try.

The sons are sitting there in desperation when a mullah rides up on a camel. They stop him, and the mullah asks them, "What do you want?" They explain their problem to him. "It's very simple," says the mullah. "I'll add my camel to yours that makes eighteen. You, the oldest son, will get half, that's nine camels. You, the second-oldest, will get a third, that's six camels. And you, the youngest son, will get a ninth - a ninth of eighteen is two."

пешком, удовлетворенный тем, что смог помочь братьям, и мог бы купить себе нового верблюда при первой возможности. Но на самом деле, история продолжается – и это то, что отделяет инструктора от учителя.

И когда они разделили таким образом стадо, в поле остался еще один верблюд, потому что $9+6+2 = 17$. А путник сел на своего верблюда и поехал дальше.

Я всегда оставлял восемнадцатого верблюда там. Услуга, в которой уже больше нет необходимости, потому что задача решена. Что вам теперь делать с этим лишним верблюдом? Как его можно разделить между тремя? Три брата сталкиваются со следующей неразрешимой задачей, и еще им надо быть благодарными путнику, ведь это он оставил им верблюда. Что же, теперь пора идти пасти всех моих восемнадцать верблюдов. Великолепно! Спасибо, Даб, за многих верблюдов, которых ты мне одалживал.

- Звезды принадлежат всем людям, - ответил он. Но всяк смотрит на них по-своему. Страннику звезды укажут путь. Для других они – всего лишь крошечные огоньки на небе. Для третьих, ученых, звезды – это задачки, которые надобно решить. Для моего дельца звезды – богатство. Но для всех этих людей звезды безмолвны. И только у тебя одного будут звезды, каких ни у кого нет... (Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц)

That's the solution to the problem. Then I would have continued on my way on foot, satisfied that I could help them, and I would have bought a new camel the next chance I got. But actually, the story continues – and this is what separates the instructor from the master.

"Now," says the mullah, "nine plus six is fifteen, plus two is seventeen. That leaves one camel, namely, mine." And he mounted his camel and rode off.

I always left the eighteenth camel there. A favor which isn't necessary anymore after the problem's solved. What should you do now with the extra camel? How can you divide a camel between three? The three brothers are faced with the next insolvable problem, and they are even supposed to be grateful to me because I gave the camel to them. So, it's time to go and herd together all of my eighteenth camels. Great! Thank you, Dub, for the many camels you loaned me.

All men have stars, but they hold different meanings for different people. For some, who are travelers, the stars are guides. For others they are no more than little lights in the sky. For others, who are scholars, they are problems. For my businessmen they are wealth. But all these stars are silent. You – you alone – will have the stars as no one else has them. (Antoine de Saint-Exupéry)

(Translated by Robert Rowley)